

и эволюцию взглядов Тушина¹, а это опять-таки говорит о том, что индивидуальные отличия книгописцев Древней Руси были явлением вполне реальным.

Изучение индивидуальной манеры отдельных книгописцев и особенностей целых скрипториев (Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиевского и многих, многих других) — важная и плодотворная задача текстологического изучения древнерусской письменности.

«Макротекстология»

В связи с необходимостью изучать историю текста крупных компилятивных произведений — сборников, хронографов, четых миней, прологов и пр. — в последние годы появилась тенденция к облегчению себе этой кропотливой и трудоемкой работы над ними путем различных приемов, предполагающих возможность установления взаимоотношения списков этих крупных произведений способом выделения в них «существенных признаков» и классификации списков только по этим «существенным признакам». Такая классификация, а иногда даже и попытка установления по ним истории текста объявляется особым текстологическим методом — «макротекстологией», способной якобы полностью заменить собой нормальное детальное сличение текстов. На самом же деле классификация списков по «существенным признакам» (например, наличие или отсутствие той или иной части произведения — предисловия, какого-либо рассказа, речи действующего лица и пр.) может иметь только предварительное и «наводящее» значение. Так, например, если текстологу предстоит произвести сличение нескольких сот списков большого памятника (особенно компилятивного), то чтобы облегчить себе работу по сличению, он может, как бы предугадав выводы сличения, расположить списки по тем или иным гипотетическим группам, которые, возможно, в дальнейшем исследовании и на самом деле окажутся редакциями, видами, группами текста. Сличать лучше всего тогда, когда списки для сличения расположены в порядке, соответствующем в какой-то мере истории текста. И если текстологу удастся предугадать выводы сличения, то это большое облегчение ему в работе. Расположение списков по «существенным признакам» для сличения — прием, облегчающий очень часто работу текстолога.

«Макротекстология» больших по величине и с многочисленными списками произведений может рассматриваться как предварительный рабочий прием исследования, отнюдь не заменяющий обычное текстологическое исследование. На самостоятельные, окончательные выводы «макротекстология» не имеет права. Поэтому и термин этот может употребляться толь-

¹ Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. С. 194.

ко условно. Чтобы подчеркнуть эту условность, приходится брать его в кавычки.

Многое в этой «макротекстологии» зависит иногда от случайно найденного списка, который при ближайшем рассмотрении может показаться по различным основаниям наиболее ранним, различных указаний в тексте одного из списков или группы списков и пр. Многое может подсказать интуиция текстолога. Способы установления истории больших сводных произведений во многом зависят от изобретательности исследователя и его, иногда случайных, находок. Но в любом случае завершить работу может полное сличение текстов на всем их протяжении и во всех имеющихся списках.

«Макротекстология» гораздо более проста и убедительна по выводам, когда мы имеем дело не с рукописными текстами, а печатными — в новой литературе. Задачи этой части «макротекстологии» состоят в изучении влияния на текст произведения включения его в какой-то большой сборник: в состав собрания сочинений, альманаха, серии и пр. Это включение может производиться самим автором, выбирающим и приспособляющим текст для этого нового, более обширного издания, или редактором, выбирающим текст из нескольких авторских. Отношение автора при этом к своему тексту бывает более свободным и творческим, отношение же редактора более скованным (принцип следования издателем «авторской воле» играет в этом случае, хотя и не всегда, более или менее положительную роль).

Остановимся на нескольких более или менее показательных примерах.

Автор нового времени может создать специально «журнальный текст» своего произведения, ибо по-одному читается произведение в журнале и по-другому в отдельном издании. «Журнальный текст» может создаваться до полного текста произведения в отдельном издании, либо произведение может писаться как бы в окончательном виде, а для отдельного издания приспособляться. Наконец, может существовать смешанный тип обоих изданий, когда автор печатает «окончательный» текст (вернее — осознающийся им «окончательным») в журнале, а затем для отдельного издания учитывает появившуюся критику или собственные вновь появившиеся соображения. Новый текст может принести каждое прижизненное издание, да иногда и посмертные (правка редакторов, наследников и т. д.).

Свои проблемы встают при издании стихов. Автор-поэт создает сборники своих стихов из ранее опубликованных. Поэт дает своему сборнику название, т. е. по существу создает как бы новое произведение на основе старых. При включении в сборник прежде опубликованных стихов поэт может их переделывать. В одних случаях автору-поэту необходимо соблюсти в сборнике определенную поэтическую тональность, расположить стихи так, чтобы чтение их подряд представляло развитие какой-то поэтической идеи. В других случаях поэт ничего не меняет в стихах, а просто отбирает то, что ему кажется уместным для сборника, располагает их в каком-то определенном порядке, который текстолог должен непременно учитывать. Поэт затрачивает иногда на отбор и расположение своих произведений в сборниках

немалый труд. С этим трудом текстолог должен считаться, должен разгадать замысел сборника. Иногда разгадка расположения и переработки стихов для сборника заключена не в самом тексте сборника, а в письмах поэта, черновиках, дневниках, воспоминаниях друзей и знакомых.

Как быть составителям и редакторам академического собрания сочинений поэта? Издавать ли его произведения в хронологическом порядке или сохранять состав сборников? Брать ли в виде основного тот текст стихотворения, который увидел впервые свет в журнале, газете, альманахе, или его окончательную обработку для сборника? Единого ответа тут не может быть. Ответ может быть получен только в результате тщательного анализа текста произведения и откликов на него в критике, в истории литературы и пр. Ведь между первоначальным появлением стихотворения и его переработкой для сборника могло пройти много лет. Стихотворение в первоначальном виде вошло в историю литературы, а в переработанном виде для сборника или авторского издания его сочинений осталось малозамеченным...

Как быть, например, редактору сочинений А. Блока со сборниками стихотворений, созданными А. Блоком из ранее им написанных и напечатанных: сохранить ли сборники Блока в том их составе, который он создал («последняя творческая воля автора»), или рассыпать их по годам создания (брать первый прижизненный текст)?

Как быть со сборником Н. А. Заболоцкого «Столбцы»? В свое время сборник этот сыграл огромную роль в истории русской поэзии 20-х гг. Но в 50-е гг. автор переработал отдельные стихотворения, подготавливая их к своему двухтомнику, и письменно запретил издавать их в ином тексте. Но сборник 20-х гг. «Столбцы» и двухтомник стихотворений Н. А. Заболоцкого 50-х гг. имели различные цели. В 1958 г. Н. А. Заболоцкий пишет по поводу готовящегося им собрания избранных произведений в двух томах: «Внимание! Это должна быть итоговая рукопись полного собрания стихов и поэм... Примечание. Эта рукопись включает в себя полное собрание моих стихотворений и поэм, установленное мною в 1958 году. Все другие стихотворения, когда-либо написанные и напечатанные мной, я считаю или случайными, или неудачными. Включать их в мою книгу не нужно. Тексты настоящей рукописи проверены, исправлены и установлены окончательно; прежде публиковавшиеся варианты моих стихотворений следует заменять текстами, приведенными здесь. Н. Заболоцкий. 6 октября 1958 г. Москва»¹.

Разумеется что к такого рода заявлениям авторов отношение нотариуса и отношение историка литературы окажется различным. Для первого — это юридический документ, завещание, которое следует принимать к исполнению. Но для историка литературы — это документ, раскрывающий один из моментов (в данном случае 1958-го года) творческого развития Н. Заболоцкого. Переносить, например, правку 1958 г. в 20-е гг. совершенно недопустимо. Недопустимо, создавая антологию поэзии 20-х гг., приводить стихот-

¹ Н. Заболоцкий. Избранные произведения в 2 т., т. 2. М., 1958. С. 363.

ворения «Столбцов» в текстах 1958 г. Недопустимо и, изучая творческое развитие Н. Заболоцкого, игнорировать все то, что оказалось за бортом двухтомника 1958 г. Ясно также, что вся правка 1958 г. взаимосвязана и разбивать ее в хронологическом порядке — по годам создания отдельных произведений — означало бы фальсифицировать творческий путь развития поэта. Автор должен знать, что произведения его, пущенные в печать, — улетевшая птица. Вернуть ее и посадить в новую клетку, но с подписью старого года совершенно невозможно.

Поэтому в будущем при создании академического собрания сочинений Н. Заболоцкого (а Заболоцкий как поэт вполне заслуживал бы академического собрания сочинений) правильнее всего было бы, пожалуй, принять хронологический принцип расположения его произведений и печатать их в том виде, в каком они появились в свое время в свет, правка же должна быть в таком случае отнесена в примечания или приложения.

Хронологический принцип следовало бы, вероятно, избрать и при составлении академического собрания сочинений А. Блока. Стихи его, расположенные по годам их написания или появления в печати, когда они были событиями литературной жизни, должны быть даны в том виде, в каком они появились в свет. Но ведь созданные на их основе А. Блоком сборники тоже были событиями литературной жизни? Да, несомненно. Эти сборники в том виде, в каком они появились в свое время, также должны быть переизданы. Чтобы избежать повторений, сборники Блока следовало бы переиздать в серии «Литературные памятники».

Кстати сказать, сама серия «Литературные памятники», как и другие серии подобного типа («Всемирная литература» и пр.), может быть подвергнута текстологическому исследователю — как одно «произведение». В этом случае также было бы уместно говорить о «макротекстологии». «Макротекстолог» мог бы исследовать и вопрос о том, как велась подборка произведений для серии, по каким общим принципам велась в серии подготовка текстов, выбор переводов и переводчиков, какие иногда случайные обстоятельства отразились на изданиях серии и т. п. Аспект изучения текста в изучении серий всегда весом и всегда необходим.

Конечно, во всех случаях «макротекстология» будет вспомогательной по отношению к текстологии. Противопоставлять «макротекстологию» «микротекстологии» совершенно невозможно. В лучшем случае «макротекстологию» (если принимать этот термин) следует рассматривать как часть текстологии в целом.